

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга охватывает долгий путь Сталина в той ипостаси, которую уже более полувека пытаются замолчать как его открытые противники, так и лживые «сторонники» — Сталина как марксистского теоретика.

Безусловно, Сталин был прежде всего практиком, и он сам не претендовал на то, чтобы встать в одном ряду с Марксом, Энгельсом и Лениным как теоретик марксизма, но и как теоретик он сделал многое, в том числе в таком мифологизированном и вызывающем трудности у марксистов наших дней вопросе, как национальный.

Хрущевская «десталинизация» поставила новые издания работ Сталина под фактический запрет, а после нее Сталина попытались сделать своим знаменем чуждые его идеям силы. От Сталина-революционера, Сталина-наркома по делам национальностей молодой Советской Республики, Сталина-руководителя социалистического строительства попытались отставить, лишь Сталина-руководителя «державы» (забыв о том, что разные «державы» служат разным классам).

Разумеется, Сталин как автор «Марксизма и национального вопроса» не нужен тем, кто называет себя его сторонником, но отрицает и революцию, и демократию, и право наций на самоопределение — таким шовинистам, как КПРФ и «Суть времени». Не нужен он и буржуазии, которая в зависимости от запросов момента делает из него то, кровавого маньяка, то сусального вождя. Неудобен Сталин-ученик и преемник Ленина, разумеется, и тем, кто хочет заменить марксизм-ленинизм какой-нибудь «модной» (хотя мода может быть и полувековой) теорией. Неудивительно,

что марксистские труды Сталина сейчас больше известны в тех странах, где есть мощные боевые коммунистические партии, чем в России — тем важнее они для нас, российских марксистов.

Первая из работ, входящих в сборник — «Анархизм и социализм» — была написана на грузинском языке в 1907 г. Поводом для ее написания стала полемика с грузинскими анархистами, боровшимися против марксистов за влияние на социалистическое движения Закавказье, но значение этой работы выходит за узкие рамки местной полемики.

Еще молодой Иосиф Джугашвили, или «Коба» (псевдоним «Сталин» появится позже) подверг острой критике взгляды грузинских анархистов и их русских учителей — не остались незамеченными ни их эклектическая позиция в философии (далекая и от диалектики, и от твердого материализма), ни их верхоглядство («Анархисты одержимы одним недугом: они очень любят «критиковать» партии своих противников, но не дают себе труда хоть сколько-нибудь ознакомиться с этими партиями»), ни прямо вытекающее из незнания диалектики непонимание роли пролетарского государства в переходный период между капитализмом и коммунизмом.

Если «Анархизм или социализм?» был популяризаторской работой, то «Марксизм и национальный вопрос», написанный в 1912-13 гг. уже зрелым автором-марксистом, членом большевистского ЦК, стал одной из самых важных марксистских работ по национальному вопросу на все времена.

Будучи учеником Ленина, Сталин сыграл важную роль в полемике по национальному вопросу, развернувшейся перед Первой мировой войной. С одной стороны, ленинской позиции противостояли Роза Люксембург и польские социал-демократы, которые в борьбе со «своим», польским шовинизмом, дошли до отрицания права наций на самоопределение вообще. С другой стороны — ревизионистские теоретики австрийской социал-демократии пошли на поводу у национализма, признав возможным деление социал-демократической партии по национальному (вместо территориального) принципу и создание в рамках государства искусственных союзов граждан по принципу национального происхождения, разделяющих трудящихся разных наций вместо их сближения.

Показавший объективное существование наций Сталин стоит в этом вопросе выше, чем позднейшие теоретики, видящие в них лишь «воображаемую» общность и отрывающие процесс формирования наций от развития капитализма. С другой же стороны, Сталин не забывал о том, что нация объединяет представителей враждебных классов, что демократическое право народов решить свою судьбу самостоятельно может быть использовано и реакцией, а потому нельзя путать право с целесообразностью отделения; наконец, что национализм угнетенной нации порождаются ограничительными и запретительными мерами со стороны нации угнетающей.

Ключевые принципы демократического решения национального вопроса, выдвинутые Сталиным — право на самоопределение, территориальная автономия, национальное равноправие, интернациональное сплочение рабочих — актуальны и в наши дни.

Серия лекций «Об основах ленинизма» подытожила ленинский период развития революции в России и мирового коммунистического движения — самому Ленину обобщить его не довелось. Отметив, что ленинизм стал «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», Сталин вступил в полемику как с теми, кто представлял ленинизм лишь как «применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки» (о, зюгановцы! Если бы вы были способны задуматься!), так и с теми, кто представлял учение Ленина лишь как «возрождение» революционного марксизма (определение, неизбежно замазывающее тот факт, что марксизм эпохи империализма не мог просто повторить марксизм доимпериалистических времен).

Без специфики России, впрочем, обойтись было нельзя — Сталин справедливо видел ее в том, что в нашей стране сплелись все противоречия империалистической эпохи — и, ударив, по такому реакционному институту, как царизм, рабочий класс России не мог не задеть и западных империалистов. И именно поэтому значение революции стало интернациональным («Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война),

толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма»).

Причины, порождающие пролетарскую революцию, интернациональны, но сама она возникает там, где сплетаются все противоречия, а не там, где «больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культурности, где больше демократии» — этот вывод следовало бы понять как склонным к примитивному евроцентризму троцкистам и реформистам, так и тем «коммунистам» от национализма, которые видят в социализме лишь рецепт для спасения «своей» нации, опуская социализм с роли всемирного революционного движения на роль узконационального лекарства от кризисов.

В этой же работе Сталин коснулся и крестьянского вопроса, еще раз подчеркнув двойственную природу крестьянства и его роль как союзника пролетариата, и национального, вновь вернувшись к демократическим принципам его решения, и вопроса о диктатуре пролетариата, разбиравшегося еще в «Анархизме или социализме».

В 1950 г. Сталину пришлось коснуться новой для него темы — лингвистики. Сосредоточение средств в советской науке на ключевых направлениях позволяло добиться выдающихся результатов в ряде областей, но оно же иногда позволяло получить поддержку правительства откровенным шарлатанам, обещавшим легкие успехи. В лингвистике такую роль сыграло учение языковеда Н.Я.Марра — Сталину пришлось вмешаться для защиты языкознания от псевдомарксистских искажений, и даже ярый критик Сталина Ноам Хомский признал эту работу «разумной».

Главным трудом последних жизни Сталина стали «Экономические проблемы социализма в СССР» — сейчас эта книга выглядит как грозное предостережение против введения рыночных методов в социалистическую экономику. От этих методов буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, прикрытые до поры крас-

ными флагами, не отказывались никогда — и немудрено, что раскритикованный в книге за предложение продать МТС колхозам экономист Венжер оказался сохранившим свои взгляды до конца жизни немарксистом, сторонником эсеровского «кооперативного социализма»*. Однако и сталинскую работу нельзя назвать безупречной — справедливо назвав колхозную собственность низшей формой социалистической собственности по сравнению с общенародной и причиной сохранения товарно-денежных отношений в СССР, Сталин не показал связь остатков ТДО с классовой борьбой и даже возрождением капиталистических отношений, сосредоточившись на показе «строгих рамок» развитию товарного производства в капиталистическое. В «Экономических проблемах социализма в СССР» в целом верно показан путь к коммунизму, но не показаны его враги — указывать на врагов пришлось уже Мао Цзэдуну и Энверу Ходже в существенно ухудшившихся для марксистов-ленинцев условиях.

Юлий Михайлов

---

* Воейков М., Кузнецов Т., Никифоров Л. В.Г.Венжер – теоретик русского кооперативного социализма, URL: http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/99_1/vensxr.htm

АНАРХИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

Стержнем современной общественной жизни является классовая борьба. А в ходе этой борьбы каждый класс руководствуется своей идеологией. У буржуазии есть своя идеология — это так называемый **либерализм**. Есть своя идеология и у пролетариата — это? как известно, **социализм**.

Либерализм нельзя считать чем-то цельным и нераздельным: он подразделяется на различные направления соответственно различным прослойкам буржуазии.

Не является цельным и нераздельным и социализм: в нем также имеются различные направления.

Мы не станем здесь заниматься рассмотрением либерализма, — это лучше отложить на другое время. Мы хотим ознакомить читателя только с социализмом и его течениями. По нашему мнению, это для него будет более интересно.

Социализм делится на три главных течения: **реформизм, анархизм и марксизм**.

Реформизм (Бернштейн и др.), который считает социализм только отдаленной целью и ничем больше, реформизм, который фактически отрицает социалистическую революцию и пытается установить социализм мирным путем, реформизм, который проповедует не борьбу классов, а их сотрудничество, — этот реформизм изо дня в день разлагается, изо дня в день теряет всякие признаки социализма, и, по нашему мнению, рассмотрение его здесь, в этих статьях, при определении социализма, не представляет никакой надобности.

Совсем иное дело марксизм и анархизм: оба они в настоящее время признаются социалистическими течениями, оба ведут ожесточенную борьбу между собой, оба они стараются представить себя в глазах пролетариата учениями подлинно-социалистическими, и, конечно, рассмотрение и противопоставление их друг ДРУГУ будет для читателя гораздо более интересным.

Мы не принадлежим к тем людям, которые при упоминании слова «анархизм» презрительно отворачиваются и, махнув рукою, говорят: «Охота вам заниматься им, даже и говорить-то о нем не стоит!» Мы полагаем, что такая дешевая «критика» является и недостойной, и бесполезной.

Мы не принадлежим и к тем людям, которые утешают себя тем, что у анархистов-де «нет массы и поэтому они не так уж опасны». Дело не в том, за кем сегодня идет большая или меньшая «масса», — дело в существовании учения. Если «учение» анархистов выражает истину, тогда оно, само собой разумеется, обязательно проложит себе дорогу и соберет вокруг себя массу. Если же оно несостоятельно и построено на ложной основе, оно долго не продержится и повиснет в воздухе. Несостоятельность же анархизма должна быть доказана.

Некоторые считают, что у марксизма и у анархизма одни и те же принципы, что между ними лишь тактические разногласия, так что, по их мнению, совершенно невозможно противопоставлять друг другу эти два течения.

Но это большая ошибка.

Мы считаем, что анархисты являются настоящими врагами марксизма. Стало быть, мы признаем и то, что с настоящими врагами надо вести и настоящую борьбу. А поэтому необходимо рассмотреть «учение» анархистов с начала и до конца и основательно взвесить его со всех сторон.

Дело в том, что марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма — личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: «Все для личности». Краеугольным же камнем марксизма является масса, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: «Все для массы».

Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия.

Цель наших статей — сопоставить эти два противоположных принципа, сравнить между собой марксизм и анархизм и тем самым осветить их достоинства и недостатки. При этом, мы считаем нужным здесь же ознакомить читателя с планом статей.

Мы начнем с характеристики марксизма, попутно коснемся взглядов анархистов на марксизм, а потом перейдем к критике самого анархизма. А именно: изложим диалектический метод, взгляды анархистов на этот метод и нашу критику; материалистическую теорию, взгляды анархистов и нашу критику (здесь же будет сказано о социалистической революции) социалистической диктатуре, программе-минимум и вообще о тактике); философию анархистов и нашу критику; социализм анархистов и нашу критику; тактику и организацию анархистов — и в заключение дадим наши выводы.

Мы постараемся доказать, что анархисты как проповедники социализма мелких общин не являются подлинными социалистами.

Мы постараемся также доказать, что анархисты, поскольку они отрицают диктатуру пролетариата, не являются и подлинными революционерами...

Итак, приступим к делу.

I. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД

В мире все движется... Изменяется жизнь, растут производительные силы, рушатся старые отношения.

К. Маркс

Марксизм — это не только теория социализма, это — цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом.

Поэтому изложить марксизм — это значит изложить и диалектический материализм.

Почему эта система называется диалектическим материализмом?

Потому, что метод ее — диалектический, а теория — материалистическая.

Что такое диалектический метод?

Говорят, что общественная жизнь находится в состоянии непрестанного движения и развития, и это верно: жизнь нельзя считать чем-то неизменным и застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне, она находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания. Поэтому в жизни всегда существует новое и старое, растущее и умирающее, революционное и контрреволюционное.

Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности. Мы видели, что жизнь находится в непрестанном движении, следовательно, мы должны рассматривать жизнь в ее движении и ставить вопрос: куда идет жизнь? Мы видели, что жизнь представляет картину постоянного разрушения и созидания, следовательно, наша обязанность — рассматривать жизнь в ее разрушении и созидании и ставить вопрос: что разрушается и что создается в жизни?

То, что в жизни рождается и изо дня в день растет, — неодолимо, остановить его движение вперед невозможно. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и он изо дня в день растет, то как бы слаб и малочислен ни был он сегодня, в конце концов он все же победит. Почему? Потому, что он растет, усиливается и идет вперед. Наоборот, то, что в жизни стареет и идет к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно сегодня представляло из себя богатырскую силу. То есть, если, например, буржуазия постепенно теряет почву под ногами и с каждым днем идет вспять, то как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она все же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни.

Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т. е. все то, что изо дня в день растет, — разумно, а все то, что изо дня в день разлагается, — неразумно и, стало быть) не избегнет поражения.

Пример. В восьмидесятых годах прошлого столетия в среде русской революционной интеллигенции возник большой спор. Народники утверждали, что главная сила, которая может взять

на себя «освобождение России», — это мелкая буржуазия деревни и города. Почему? — спрашивали их марксисты. Потому, говорили народники, что мелкая буржуазия деревни и города составляет теперь большинство и, кроме того, она бедна и живет в нищете.

Марксисты отвечали: верно, что мелкая буржуазия деревни и города теперь составляет большинство и что она действительно бедна, но разве в этом дело? Мелкая буржуазия уже давно составляет большинство, но до сих пор она без помощи пролетариата никакой инициативы в борьбе за «свободу» не проявляла. А почему? Да потому, что мелкая буржуазия как класс не растет, наоборот, она изо дня в день разлагается и распадается на буржуа и пролетариев. С другой стороны, разумеется, и бедность не имеет тут решающего значения: «босьяки» беднее мелкой буржуазии, но никто не скажет, что они могут взять на себя «освобождение России».

Как видите, дело заключается не в том, какой класс сегодня составляет большинство или какой класс беднее, — а в том, какой класс крепнет и какой разлагается.

И так как пролетариат — это единственный класс, который непрерывно растет и крепнет, который двигает вперед общественную жизнь и собирает вокруг себя все революционные элементы, то наша обязанность — признать его главной силой в современном движении, стать в его ряды и сделать его передовые стремления своими стремлениями. Так отвечали марксисты.

Очевидно, марксисты диалектически смотрели на жизнь, тогда как народники рассуждали метафизически, — они представляли общественную жизнь застывшей на одной точке.

Так смотрит диалектический метод на развитие жизни.

Но есть движение и движение. Было движение в общественной жизни в «декабрьские дни», когда пролетариат, разогнув спину, напал на склады оружия и шел в атаку на реакцию. Но общественным движением надо назвать и движение предыдущих лет, когда пролетариат в условиях «мирного» развития ограничивался отдельными забастовками и созданием мелких профсоюзов.

Ясно, что движение имеет различные формы.

И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную.

Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные, изменения.

Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки.

Эволюция prepares революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе.

Такие же процессы имеют место и в жизни природы. История науки показывает, что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией — везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что все изменяется, все развивается. Следовательно, все в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку.

Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, количественные, изменения в конце концов приводят к большим, качественным, изменениям, — то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы. Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неodarвинизм.

Мы ничего не говорим о других фактах, с достаточной полнотой освещенных Ф. Энгельсом в его «Анти-Дюринге». Таково содержание диалектического метода.

* * *

Как смотрят анархисты на диалектический метод? Всем известно, что родоначальником диалектического метода был Гегель. Маркс очистил и улучшил этот метод. Конечно, это обстоятельство известно и анархистам. Они знают, что Гегель был консерватором, и вот, пользуясь случаем, они всю бранят Гегеля

как сторонника «реставрации», они с увлечением «доказывают», что «Гегель — философ реставрации... что он восхваляет бюрократический конституционализм в его абсолютной форме, что общая идея его философии истории подчинена и служит философскому направлению эпохи реставрации», и так далее и тому подобное (см. «Нобати» №6. Статья В. Черкезишвили).

То же самое «доказывает» в своих сочинениях известный анархист Кропоткин (см., например, его «Науку и анархизм» на русском языке).

Кропоткину в один голос вторят наши кропоткинцы, начиная от Черкезишвили вплоть до Ш. Г. (см. номера «Нобати»).

Правда, об этом никто с ними не спорит, наоборот, каждый согласится с тем, что Гегель не был революционером. Сами Маркс и Энгельс раньше всех доказали в своей «Критике критической критики», что исторические взгляды Гегеля в корне противоречат самодержавию народа. Но, несмотря на это, анархисты все же «доказывают» и считают нужным каждый день «доказывать», что Гегель — сторонник «реставрации». Для чего они это делают? Вероятно, для того, чтобы всем этим дискредитировать Гегеля и дать почувствовать читателю, что у «реакционера» Гегеля и метод не может не быть «отвратительным» и ненаучным.

Таким путем анархисты думают опровергнуть диалектический метод.

Мы заявляем, что таким путем они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества, Паскаль и Лейбниц не были революционерами, но открытый ими математический метод признан ныне научным методом. Майер и Гельмгольц не были революционерами, но их открытия в области физики легли в основу науки. Не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку... Почему же нельзя признать тот факт, что, несмотря на консерватизм Гегеля, ему, Гегелю, удалось разработать научный метод, именуемый диалектическим?

Нет, этим путем анархисты не докажут ничего, кроме собственного невежества.

Пойдем дальше. По мнению анархистов, «диалектика — это метафизика», а так как они «хотят освободить науку от метафизики, философию от теологии», то они и отвергают диалектический

метод (см. «Нобати» №№ 3 и 9. Ш. Г., см. также «Наука и анархизм» Кропоткина).

Ну и анархисты! Как говорится, «с больной головы на здоровую». Диалектика созрела в борьбе с метафизикой, в этой борьбе она стяжала себе славу, а по мнению анархистов выходит, что диалектика — это метафизика!

Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире все преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, — поэтому-то диалектика и смотрит на все критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину, следовательно, она отрицает и отвлеченные «догматические положения, которые остаются только зазубрить, раз они открыты» (см. Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

Метафизика же говорит нам совершенно другое. Для нее мир есть нечто вечное и неизменное (см. Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»), он раз и навсегда определен кем-то или чем-то, — вот почему у метафизиков всегда на языке «вечная справедливость» и «неизменная истина».

«Родоначальник» анархистов Прудон говорил, что в мире существует раз навсегда определенная неизменная справедливость, которая должна быть положена в основу будущего общества. В связи с этим Прудона называли метафизиком. Маркс боролся против Прудона с помощью диалектического метода и доказывал, что раз в мире все изменяется, то должна изменяться и «справедливость», и, следовательно, «неизменная справедливость» — это метафизический бред (см. К. Маркс, «Нищета философии»). Грузинские же ученики метафизика Прудона твердят нам: «Диалектика Маркса — это метафизика»!

Метафизика признает различные туманные догмы, так например, «непознаваемое», «вещь в себе», и в конце концов переходит в бессодержательное богословие. В противоположность Прудону и Спенсеру Энгельс боролся против этих догм при помощи диалектического метода (см. «Людвиг Фейербах»). Анархисты — ученики Прудона и Спенсера — говорят нам, что Прудон и Спенсер — ученые, а Маркс и Энгельс — метафизики!

Одно из двух: либо анархисты обманывают самих себя, либо не ведают, что говорят.

Во всяком случае, несомненно то, что анархисты смешивают метафизическую систему Гегеля с его диалектическим методом.

Нечего и говорить, что философская система Гегеля, опирающаяся на неизменную идею, является от начала до конца метафизической. Но ясно также и то, что диалектический метод Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца научным и революционные

Вот почему Карл Маркс, подвергший метафизическую систему Гегеля уничтожающей критике, в то же время с похвалой отзывался о его диалектическом методе, который, по словам Маркса, «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критичен и революционен» (см. «Капитал», т. 1. Послесловие).

Вот почему Энгельс усматривает большое различие между методом Гегеля и его системой, «Человек, дороживший преимущественно системой Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический метод) мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции» (см. «Людвиг Фейербах»).

Анархисты не видят этого различия и необдуманно твердят, что «диалектика — это метафизика».

Пойдем дальше. Анархисты говорят, что диалектический метод — «хитросплетение», «метод софизмов»), «логического сальтомортале см. «Нобати» № 8. Ш. Г.), «при помощи которого одинаково легко доказываются и истина и ложь» (см. «Нобати» № 4. Статья В. Черкезишвили).

Итак, по мнению анархистов, диалектический метод одинаково доказывает истину и ложь.

На первый взгляд может показаться, что обвинение, выдвинутое анархистами, не лишено основания. Послушайте, например, что говорит Энгельс о последователе метафизического метода:

«...Речь его состоит из «да — да, нет — нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга...» (см. «Анти-Дюринг». Введение).

Как же так! — горячатся анархисты. — Разве возможно, чтобы едини тот же предмет в одно и то же время был и хорошим и плохим? Ведь это «софизм», «игра слов», ведь это значит, что «вы хотите с одинаковой легкостью доказать истину и ложь»!..

Однако вдумаясь в суть дела.

Сегодня мы требуем демократической республики. Можем ли мы сказать, что демократическая республика во всех отношениях хороша или во всех отношениях плоха? Нет, не можем! Почему? Потому, что демократическая республика хороша только с одной стороны, когда она разрушает феодальные порядки, но зато она плоха с другой стороны, когда она укрепляет буржуазные порядки. Поэтому мы и говорим: поскольку демократическая республика разрушает феодальные порядки, постольку она хороша, — и мы боремся за нее,

но поскольку она укрепляет буржуазные порядки, постольку она плоха, — и мы боремся против нее.

Выходит, что одна и та же демократическая республика в одно и то же время и «хороша» и «плоха» — и «да» и «нет».

То же самое можно сказать о восьмичасовом рабочем дне, который в одно и то же время и «хорош», поскольку он усиливает пролетариат, и «плох», поскольку он укрепляет систему наемного труда.

Именно такие факты имел в виду Энгельс, когда он приведенными выше словами характеризовал диалектический метод.

Анархисты же не поняли этого, и совершенно ясная мысль показалась им туманным «софизмом».

Конечно, анархисты вольны замечать или не замечать эти факты, они даже могут на песчаном берегу не замечать песка, — это их право. Но причем тут диалектический метод, который, в отличие от анархизма, не смотрит на жизнь закрытыми глазами, чувствует биение пульса жизни и прямо говорит: коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, — всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть.

Пойдем еще дальше. По мнению наших анархистов, «диалектическое развитие есть развитие катастрофическое, посредством которого сначала полностью уничтожается прошлое, а затем совершенно обособленно утверждается будущее... Катаклизмы Кювье порождались неизвестными причинами, катастрофы же Маркса—Энгельса порождаются диалектикой» (см. «Набата» № 8. Ш. Г.).

А в другом месте тот же автор пишет: «Марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически» (см. «Нобати» № 6). Обратите внимание!